

использовать с последующим возмещением нанесенного ущерба транспортные средства, которые принадлежат физическим и юридическим лицам (кроме транспортных средств дипломатических, консульских и других представительств иностранных государств и организаций, транспортных средств специального назначения), для проезда к месту происшествия, прекращения уголовного правонарушения, преследования и задержания лиц, подозреваемых в их совершении [8].

Закона о Государственном бюро расследований в Украине сегодня вообще не существует (есть лишь внесенный на рассмотрение Верховной Рады Украины законопроект от 1 августа 2013 г.). Следовательно говорить о правах уполномоченных служебных лиц этого органа до тех пор, пока не будет на законодательном уровне определен их статус, нет смысла.

Анализ законодательных актов, регламентирующих полномочия указанных органов и их служебных лиц, показал, что объем их прав относительно применения принудительных мер, направленных на выполнение заданий уголовного производства (в частности, тех, которые очерчиваются в УПК Украины), во многих аспектах является очень похожим, но не совпадает полностью. И можно говорить, что отличия в перечне и объеме таких полномочий обусловлены прежде всего теми особенностями заданий, которые положены в основу деятельности этих специальных государственных органов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: уполномоченные служебные лица – это лица, которые проходят государственную службу в правоохранительных органах (имеют специальные звания), к компетенции которых согласно их служебным обязанностям соответствующим законом отнесено осуществление мероприятий (в предусмотренном нормами УПК Украины порядке), направленных на обеспечение уголовного производства.

Принимая во внимание тот факт, что в отдельных статьях УПК Украины обобщенного определения термина «уполномоченное служебное лицо» не дается, считаем целесообразным включить толкование этого понятия (в предложенной выше форме) в ст. 3 УПК Украины как один из основных терминов Кодекса.

1. Кодекс Украины об административных правонарушениях : Закон Украины, 7 дек. 1984 г., № 8073-X // Ведомости Верхов. Рады Укр. ССР. 1984. Дополнение к № 51. Ст. 1122.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. комент. : у 2 т. Т. 1 / О.М. Бандурка [та ін.] ; за заг. ред. В.Я. Тація, А.В. Портнова. Харків : Право, 2012. 768 с.

3. Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. комент. / за заг. ред. В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. Київ : Юстініан, 2012. 1224 с.

4. Кримінальний процес : підручник / Ю.М. Грошевий [та ін.] ; за ред. В.Я. Тація [та ін.]. Харків : Право, 2013. 824 с.

5. Налоговый кодекс Украины : Закон Украины, 2 дек. 2010 г., № 2755-VI // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2011. № 13–17. Ст. 112.

6. О Государственной пограничной службе Украины : Закон Украины, 3 апр. 2003 г., № 661-IV // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2003. № 27. Ст. 208.

7. О милиции : Закон Украины, 20 дек. 1990 г., № 565-XII // Ведомости Верхов. Рады Украины. 1991. № 4. Ст. 20.

8. О Национальном антикоррупционном бюро Украины : Закон Украины, 14 окт. 2014 г., № 1698-VII // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2014. № 47. Ст. 2051.

9. О Службе безопасности Украины : Закон Украины, 25 марта 1992 г., № 2229-XII // Ведомости Верхов. Рады Украины. 1992. № 27. Ст. 382.

10. Уголовный процессуальный кодекс Украины : Закон Украины, 13 апр. 2012 г., № 4651-VI // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2013. № 9–13. Ст. 88.

11. Уголовный процессуальный кодекс Украины : науч.-практ. комент. / отв. ред. : С.В. Кивалов [и др.]. Харків : Одиссей, 2013. 1184 с.

УДК 343.13

Л.И. Кукреш, А.М. Шимко

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕНСАЦИИ КАК УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Одним из направлений уголовной политики Республики Беларусь, развивающейся в современных условиях постепенного сокращения преступности, является расширение сферы использования в правоприменительной практике института освобождения от уголовной ответственности – который, по образному выражению Л.В. Головки, нередко «альтернативы уголовному преследованию» [1].

Наличие таких институтов, как освобождение от уголовной ответственности и наказания, закономерно и необходимо: в них проявляется экономия мер государственного принуждения, реализуются принципы гуманизма, справедливости и дифференциации уголовной ответственности [2], достигается в определенной мере процессуальная экономия, позволяющая сократить сроки реституции прав потерпевших, снизить издержки на содержание государственного аппарата и нагрузку на правоохранительную и судебную систему, стимулируется законопослушное посткриминальное поведение виновного лица.

УК Беларуси, принятый в 1999 г., по сравнению с ранее действовавшим УК 1960 г. существенно расширил систему видов освобождения от уголовной ответственности, четко регламентировав основания и условия их применения. Достаточно отметить, что в УК появились ранее не известные виды освобождения от уголовной ответственности, такие как в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения, с передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе.

Доминирующим основанием применения общих видов освобождения от уголовной ответственности является нецелесообразность привлечения лица к таковой в силу отпадения общественной опасности совершенного им преступления либо отпадения общественной опасности самого лица, совершившего преступление. Поэтому законодатель первоначально ограничил применение большинства видов освобождения от уголовной ответственности самой менее опасной категорией преступлений – не представляющих большой общественной опасности.

В дальнейшем в процессе совершенствования законодательства развитие института освобождения от уголовной ответственности осуществлялось главным образом в направлении расширения возможности его применения посредством допущения, в частности, применения такого освобождения в отношении лиц, совершивших преступления, относящиеся к категории менее тяжких: освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86 УК), в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87), в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 88 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК). Данная тенденция в значительной мере обусловлена реализацией положений Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672. Она ориентирует на расширение практики освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие, от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности, утратой деянием общественной опасности, деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим (подп. 15.1 п. 15). А также на усовершенствование процессуального порядка принятия таких решений (подп. 16.12 п. 16). Данные направления отражены и в Послании о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454,

в п. 3 которого подчеркивается необходимость шире использовать возможности по прекращению производства по уголовным делам на стадии предварительного расследования с освобождением виновных от уголовной ответственности по указанным основаниям.

За 9 месяцев 2015 г. подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь прекращено производство по уголовным делам с освобождение лица от уголовной ответственности по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 30 УПК, 1 607 человек, из них в связи с применением меры административного взыскания (штрафа) – 1 063 (66,1 %), утратой деянием или лицом общественной опасности – 10, деятельным раскаянием – 78, примирением с потерпевшим – 439, наличием оснований, предусмотренных ст. 20 УК, – 2, передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, – 15.

Законодатель устанавливал и определенные пределы, ограничивающие возможность применения института освобождения от уголовной ответственности путем введения дополнительных условий, связанных, в частности с возмещением причиненного ущерба, уплатой дохода, полученного преступным путем, заглаживанием причиненного преступлением вреда.

Одним из новых условий освобождения от уголовной ответственности является институт социальной компенсации, предусмотренный упомянутой выше Концепцией, рекомендуемый к применению и в случаях осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания при совершении преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким (подп. 16.10 п. 16), и закрепленный в УПК Законом № 241-3 от 5 января 2015 г. применительно к деятельному раскаянию, предусмотренному ст. 88 УК.

Под уголовно-процессуальной компенсацией в соответствии с ч. 16 ст. 4 УК понимается мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности. Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости и применяется только в случаях, предусмотренных УК.

А.И. Лукашов, конкретизируя эту меру, подчеркивает, что она представлена в двуедином качестве – и как одно из условий освобождения от уголовной ответственности, и как составная часть альтернативных наказанию иных мер уголовной ответственности, имея в виду, что она

в определенной мере аналогична штрафу, налагаемому в качестве наказания за содеянное. Но в отличие от последнего компенсация назначается с добровольного согласия на это обвиняемого и уплачивается в добровольном порядке. И в том, и в другом качестве компенсация признается формой заглаживания вины перед обществом [3].

Реализация данного института и эффективность его применения зависят в значительной мере от четкости правового механизма, приводящего его в движение, и в первую очередь от уголовно-процессуального регламентирования этой процедуры. Упоминается институт уголовно-правовой компенсации только в четырех статьях УПК: ч. 5 ст. 257 («Ознакомление обвиняемого, его законного представителя и защитника с уголовным делом»), п. 5 ч. 2 ст. 260 («Постановление о передаче дела прокурору для направления в суд»), п. 2¹ ч. 1 и ч. 2 ст. 263 («Вопросы, подлежащие разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд») и ч. 2 ст. 303 («Прекращение производства по уголовному делу в судебном заседании»). Суть этих норм сводится к одному: выяснить у обвиняемого его позицию относительно заявления ходатайства об освобождении его от уголовной ответственности по ст. 88 УК и согласия на внесение на депозит органа уголовного преследования уголовно-правовой компенсации. Про смысл закона решается этот вопрос лишь на этапе окончания расследования. Это значит, что следователь не предпринимал в ходе предварительного следствия при наличии обстоятельств, указывающих на наличие условий освобождения лица от уголовной ответственности, мер по реализации и стимулированию этой меры. Но и упрекнуть его в этом нет оснований, так как нигде в УПК не указана такая обязанность следователя; не закреплено и право обвиняемого использовать эту возможность как в плане его искреннего раскаяния, так и в плане заглаживания причиненного вреда, в том числе и внесением уголовно-правовой компенсации. Неясно назначение выяснения следователем указанной информации без предложения внесения положенной суммы на депозит органа уголовного преследования. Причем закон не говорит, о депозите какого органа идет речь – предварительного следствия или прокуратуры. Только то, что заявленное ходатайство отражается в постановлении следователя о передаче дела прокурору для направления в суд и реально от прокурора исходит так называемое уведомление о внесении обвиняемым денежных средств на депозит органа уголовного преследования, указывает на то, что следователь законом фактически отстранен от реализации иницилируемого Президентом института уголовно-правовой компенсации как явления, позволяющего обвиняемому оценить возможность остаться на свободе,

в семье, на работе, стабилизирующего его законопослушное посткриминальное поведение. Если об этом не говорилось обвиняемому, он не нацеливался на раскаивание. Он узнает об этом только перед передачей дела прокурору для направления в суд и, так же как и следователь, будет нейтрален к данному институту.

Прокурор или его заместитель, получив уголовное дело, в ряду вопросов, подлежащих разрешению, прежде, чем направить дело в суд, проверяют и наличие в нем ходатайства обвиняемого об освобождении от уголовной ответственности и его согласия внести уголовно-правовую компенсацию (п. 2¹ ч. 1 ст. 263 УПК) и при наличии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности незамедлительно уведомляет обвиняемого о выполнении в течение 3 суток взятого им на себя обязательства о внесении компенсации на депозит органа, ведущего уголовный процесс как необходимого условия освобождения от уголовной ответственности. И если обвиняемый внес указанную органом уголовного преследования сумму, прокурор или его заместитель на основании ст. 88 УК, п. 3 ч. 1 ст. 30, п. 2 ч. 1 ст. 264 УПК прекращает производство по уголовному делу в отношении всех обвиняемых или по п. 3 ч. 1 ст. 264 прекращает уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых.

Из изложенного следует, что прекращение производства по уголовному делу в связи с деятельным раскаянием обвиняемого на досудебном производстве возлагается фактически только на прокурора. Но при этом не вносятся изменения в ч. 1 ст. 30 УПК, согласно п. 3 которой прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо по указанному основанию от уголовной ответственности вправе и следователь с согласия прокурора. Это явное несогласование норм не очень отразилось на прежней правоприменительной практике. Следователи, как и до внесения указанных изменений в уголовно-процессуальный закон, в большинстве случаев при установлении оснований для освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 88 УК прекращают производство по делу с согласия прокурора до передачи ему уголовного дела для направления в суд (за 9 месяцев 2015 г. следователями по Республике Беларусь освобождены от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию 78 лиц, а прокурорами – только 11). Представляется, что такая практика не противоречит духу закона, поскольку решение о прекращении производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности осуществляется следователем только с согласия прокурора, который предварительно удостоверяется в наличии оснований для такого решения и соблюдении всех необходи-

мых для этого условий. По мнению А.И. Лукашова, с которым нельзя не согласиться, при поступлении ходатайства обвиняемого об освобождении его от уголовной ответственности в соответствии со ст. 88 УК и его согласия уплатить уголовно-правовую компенсацию следователь при внесении обвиняемым компенсации производство по делу завершает вынесением постановления о прекращении производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, которое имеет юридическую силу с момента получения согласия прокурора на прекращение производства по делу [3]. Не вызывает сомнений целесообразность законодательного закрепления подход правоприменителя хотя бы с тех позиций, что нарабатанная практика показала его состоятельность: сокращается ненужная волокита (без ока прокурорского надзора освободить от уголовной ответственности не представляется возможным), упрощается процедура формализации принимаемого решения, не затрагивая его существа.

1. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.

2. Радыно Т.В. Общие вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания. Ч. 1. Освобождение от уголовной ответственности [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

3. Лукашов А.И. Уголовно-правовая компенсация как условие освобождения от уголовной ответственности и как мера уголовной ответственности [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

УДК 343.1

Л.В. Лазарева

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Российскими учеными-процессуалистами всегда уделялось пристальное внимание проблемам досудебного производства в силу их огромной практической значимости. И хотя при разработке нового уголовно-процессуального законодательства авторами судебной реформы акцент делался скорее на судебное, чем на предварительное производство, наличие и острота многочисленных сложных проблем при осуществлении

следственной деятельности вызвали острую дискуссию не только в учебном мире, но и среди практиков.

Современное состояние правового регулирования использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве далеко от совершенства. Принимаемые нормативные правовые акты не всегда нацелены на наиболее рациональное использование специальных знаний в ходе применения права, а иногда и противоречат функциям государства и принципам процессуального права.

Вопросы, связанные с процессуальной регламентацией использования специальных знаний, исследовались учеными на протяжении десятилетий и продолжают обсуждаться до сих пор. Тем не менее в теории и практике осталось немало нерешенных проблем. Естественно, рассмотреть все в настоящей работе не представляется возможным. Ограничимся рассмотрением отдельных проблем судебной экспертизы, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, решение которых, на наш взгляд, необходимо в интересах правоприменительной практики, не претендуя на полноту обзора.

Мониторинг нормативно-правовой основы использования специальных знаний выявил такие дефекты, как пробелы, коллизии, недействующие и нелегитимные нормы.

Одним из позитивных нововведений, содержащихся в УПК РФ, безусловно, является установленная законодателем возможность выполнения определенного перечня следственных действий до возбуждения уголовного дела. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ внес изменения в ст. 144 УПК РФ, согласно которым при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта.

Вопрос о производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела имеет многолетнюю историю развития, неразрывно связан с возникновением коллизии между процессуальной формой и криминалистическим содержанием данного следственного действия: процессуальный запрет на назначение экспертизы на начальной стадии уголовного судопроизводства, некогда зафиксированный в ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР, искусственно ограничивал это содержание и сдерживал его неизбежное развитие. Неслучайно Р.С. Белкин подчеркивал, что «реализация возрастающих в условиях НТР возможностей судебной экспертизы в значительной степени зависит от ее правового статуса, от того, насколько регламентирующие ее назначение и производство нормы процессуального закона способствуют превращению этих возможностей в действительность» [2, с. 21].